А.В. Шидловский

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ НАКАЗАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Уголовно-правовая литература свидетельствует о многочисленности научных исследований по проблеме индивидуализации наказания. Однако в этом вопросе отсутствует полная ясность, что подтверждается наличием пробелов в доктрине уголовного права, постоянно возникающими трудностями в судебной практике при назначении наказаний. По эволюции индивидуализации наказания в науке уголовного права Беларуси вовсе отсутствуют какие-либо научные исследования и разработки. Между тем проблема индивидуализации наказания актуальна и с точки зрения исторического развития отечественного уголовного права, поскольку имеет прямое и непосредственное отношение к преступлению и наказанию, существующих неразрывно на протяжении всего развития общества. Именно в таком ключе нами предпринимается попытка в настоящей статье исследовать юридическую природу принципа индивидуализации наказания.

В древности господствующим источником права на территории Беларуси являлся обычай, представляющий систему неписаных правил поведения, сложившихся в результате их фактического применения на протяжении длительного времени. В отношении нарушителей обычая в догосударственном обществе принимались такие меры воздействия, как кровная месть членов рода, изгнание из родовой общины и др. Причем мести подвергался не только непосредственный виновник деликта, но и весь его род. При разрешении конфликтов общество руководствовалось в этот период принципом «талиона»: око за око, зуб за зуб. Поэтому применяемые в отношении нарушителей обычая меры воздействия носили характер расплаты за проступок. Этот тезис подтверждается и историческими исследованиями. Так, Марк Косвен в своей работе «Преступление и наказание в догосударственном обществе» провел «генетическое» исследование идеи воздействия как реакции со стороны потерпевшего на чужое посягательство. При этом «мерой возмездия для виновной стороны, – пишет автор, – являлась мера ущерба, причиненного деликтом», а мерилom мести – «месть, отвешенная на весах экономического сознания»¹.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения позитивного права индивидуализация наказания как юридическая категория в догосударственном обществе не существовала, так как еще не было и собственно наказания как уголовно-правового института. Личность преступника, особенности

преступления и другие юридически значимые обстоятельства по существу не учитывались. В плане социальной ответственности, которая была известна обществу того времени, можно говорить о первых зачатках дифференциации ответственности, в рамках которой начинали зарождаться предпосылки возникновения идеи индивидуализации наказания. Так, согласно принципу «талиона» за причинение, например, телесного повреждения на виновную сторону возлагалась обязанность претерпеть точно такую же (а не какую-либо иную) меру воздаяния.

В рабовладельческой Беларуси наказание определялось в зависимости от принадлежности человека к одной из двух каст: рабовладельцев или рабов.

Нормы обычного права находят свое отражение в первых памятниках писанного права феодальной Беларуси (Договор 1229 г., грамоты Полоцкой и Витебской земель и др.). Содержащиеся в них отдельные уголовно-правовые нормы не позволяют судить об уровне развития уголовного права и, в частности, института наказания. Вместе с тем анализ содержания первых писанных памятников права Беларуси позволяет предположить зарождение первых предпосылок возникновения идеи индивидуализации наказания. Так, наказание зависело от классово-сословной принадлежности потерпевшего и преступника, устанавливалась более высокая ответственность за преступления, направленные против лиц, принадлежавших к господствовавшему классу. Например, в договоре 1229 г., заключенном между Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами, Ригой и Готским берегом, определялся объем ответственности за уголовные преступления. В нем предусматривалось, что за убийство свободного человека с виновного взыскивалось 10 гривен серебра, за священника либо посла 20 гривен, за холопа 1 гривен серебра. В связи с тем, что изобличение и доставка преступника в суд должны были осуществляться самим потерпевшим либо его близкими, то как верно отметил И.А.Юхо, «злачынства, учыненае багатай і ўплывовай асобай супраць беднага чалавека, заставалася беспакараным, калі бедны чалавек не меў моцнага апекуна»². То есть лица, принадлежавшие к господствовавшему классу, по существу «уходили» от наказания.

Обращаясь к одному из первых писанных памятников права славянских народов «Русской правде», видим, что при назначении меры наказания за преступления акцентировалось внимание на различие между преступлениями с точки зрения их общественной опасности и на обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность подсудимого. При этом Х.Ланге, исследуя уголовно-правовые нормы «Русской Правды», заметил, что покушение на преступление рассматривается как «обстоятельство, уменьшающее вину», а повторное совер-

шение преступления – как «обстоятельство, увеличивающее вину подсудимого»³.

Краткий обзор общеземских грамот (общегосударственных привилеев) выявляет много интересных сведений о том, как законодательно начинался процесс зарождения и развития индивидуализации наказания как юридической категории. Первый шаг законодательного закрепления идеи индивидуализации наказания был сделан в арт. 3 привилея Казимира 1447 г.⁴, где предписывалось: «олижь очи-в-вочи, оба посполь явно стануть на суде, вподлуг права христианского, который ж будеть у подлуг переможенья права виноват, подлуг обычая и права Коруны Полское имають быти казнены и сужены, подлуг их великости проступков». Как видим, привилей обязывает назначать наказание, во-первых, в судебном порядке; во-вторых, согласно правовым нормам и обычаю; в-третьих, и это для нас главное, в соответствии с тяжестью проступка. Аналогичные положения встречаем в § 2 привилея Александра 1492 г.⁵, согласно которому наказание назначается в зависимости от «велічынi і якасці сваіх учынкаф». Отсюда видно, что мера наказания зависела уже не только от тяжести, но и от качества проступка. К сожалению, общегосударственные привилеи 1447 и 1492 гг. не раскрывали содержания этих понятий.

В историко-правовой литературе общепризнанно, что первым кодифицированным уголовным законом Великого княжества Литовского являлся Судебник Казимира 1468 г.⁶, который сочетает в себе нормы обычного права с новыми в то время нормами, обеспечивающими индивидуализацию ответственности и наказания.

В связи с отсутствием научных исследований относительно вопроса о возникновении принципа индивидуализации наказания в литературе по рассматриваемой проблеме встречаются ошибочные утверждения. Так, например, А.Ф.Вишневский, И.А.Сороковик утверждают, что Судебник ввел ряд новых принципов и подходов государства к наказанию преступников путем установления единых для всего государства видов наказаний за преступления против феодальной собственности, ограничивал ответственность жены и детей за преступления мужа и отца, и что «тым самым у Судзебніку атрымала замацаванне ідэя індывідуалізацыі пакарання»⁷. С таким подходом нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, выше мы доказали, что первая попытка законодательного закрепления идеи индивидуализации наказания была предпринята в арт.3 общегосударственного привилея Казимира 1447 г. Во-вторых, авторы смешивают идею индивидуализации наказания с принципом личной ответственности, который законодательно начал оформляться гораздо раньше (в общегосу-

дарственных привилеях ВКЛ). Более осторожную (но четкую) позицию в этом вопросе занимает Т.И.Довнар, которая пишет, что Судебник «...развиває ідею індивідуалізації покарання...»⁸. Тем самым автором подчеркивается законодательное закрепление индивидуализации наказания до принятия Судебника Казимира 1468 г.

В Судебнике впервые была предпринята попытка законодательно закрепить квалифицирующие признаки и их влияние на меру наказания. В качестве последних Судебник называет вред имущественного характера в размере «выше полтины» (арт.14), «выше полукопья» (арт.13, 19), повторность преступлений (арт.19). Например, арт.19 предусматривал: «...а коли иметь часто красти после того, а выше полукопья, ино паробка узвести». Отягчающими ответственность обстоятельствами являлись кража коровы (арт.13), лошади (арт.15), людей, «челяди невольной» (арт.24).

Значительное влияние на назначение меры наказания оказывала классово-сословная принадлежность лица. Так, в тексте этого исторического документа речь идет о людях «князких, панских, боярских», которые выступают в качестве потерпевших от преступных посягательств «простого» человека (арт. 10) и от человека «князкого, панского, боярского» (арт.11).

Таким образом, Судебник Казимира 1468 г. свидетельствует о том, что в законодательстве ВКЛ XV в. продолжали развиваться и закрепляться правовые основы идеи индивидуализации наказания.

Дальнейшее развитие эта идея получила в более поздних памятниках права ВКЛ. Так, в арт.4 Витебской грамоты 1503 г. предусматривалось, что наказание зависело от степени вины лица: «...ино нам их по вине казнити». Аналогичные положения находим и в Полоцкой грамоте 1511 г.⁹

Важнейшим этапом в становлении принципа индивидуализации наказания было статутное законодательство Великого княжества Литовского. Анализ уголовно-правовых норм Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. о назначении наказания дает основания утверждать, что индивидуализация наказания оформляется как принцип, обязательный для соблюдения всеми судебными инстанциями ВКЛ. Однако следует заметить, что в текстах этих памятников отечественного права отсутствовали какие-либо дефиниции принципа индивидуализации наказания. В Статутах раскрывалось содержание этого принципа посредством разбросанных по всем разделам уголовно-правовых норм о назначении наказания: суд должен был назначать наказание с учетом характера и степени общественной опасности преступного деяния, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Характер и общественная опасность преступного деяния определялись следующими обстоятельствами. Во-первых, важностью объекта, на который посягало лицо. Например, подделка государственных печатей и монет каралась смертью: «...тые мають быти на горле огнем карани без милосердия...» (Статут 1588 г. Р.І, арт.16, 17), а посягательства на флору и фауну, земельные права наказывались штрафом: «...хто бы кому соколье гнездо сказал або подрубал, або умыслне соколы под гнездом помкнул, або з гнезда соколы молодые побрал ... маеть заплатити шесть рублей грошей...» (Р.ІХ, арт.23; Р.Х, арт.8, 9, 15 и др.)¹⁰.

Во-вторых, размером причиненного вреда. Так, кража в размере «выше чотырох коп грошей, маеть горлом каран быти...», а за кражу на сумму «менш двох коп грошей» наказывали отрезанием одного уха (Р.ХІУ, арт.7, 22).

В-третьих, временем совершенного преступления. В некоторых нормах говорилось о совершении преступления «в зваде вечерней», «на войне будучы» (Р.ІІ, арт.18 и др.). В большинстве таких случаев применялось наказание в виде смертной казни.

В-четвертых, местом совершенного деяния. В ряде диспозиций, где говорилось, что преступление совершено «при дворе господарском», «в месте нашем судовом», «на проезжей дорозе», «на торгу, при церкви, на добровольной дорозе», предусматривались более суровые меры наказания (Р.І, арт.9; Р.ІУ, арт.7, 62; Р.ХІІІ, арт. 4 и др.)

В-пятых, способом совершенного преступления. Если, например, «злодейским обычаем ловлено рыбы в ставе або сажавце...», то к совершившему такое преступление лицу применялось телесное наказание: «маеть быти пугами бит», а во второй раз за аналогичный проступок «урезаньем уха каран будеть»; в третий – «маеть быти каран яко злодей...» (Р.ХІУ, арт. 27).

В-шестых, обстановкой содеянного. В некоторых случаях обстановка совершения деяния усугубляла положение виновного за вред, причиненный «...под часом от огню погоренья в месте або где колвек або бы хто на воде стонул...» предусматривалось наказание «...яко о злодейство...» (Р.ХІУ, арт. 28). Иногда обстановка совершения преступления существенно уменьшала степень общественной опасности преступного деяния и, соответственно, меру наказания для виновного. Например, если «хто бы кого в якой зваде не умыслне, але в обороне забил...», то виновный «...от горла и везенья волен будеть только предсе голвицизну повинен будеть заплатити...» (Р.ХІ, арт.22).

В-седьмых, формами вины, мотивами и целями содеянного. Умысел законодатель описывал словами «ведаючы», «умыслне» и др. Неосторожность – «неумыслне», «необачне», «з неведомости», «недбальства». Так, например,

умышленное нападение на «дом», «гумно», «дворец» шляхтича с целью его убийства наказывалось смертной казнью: «Хто бы на чый дом або на госпуду умысьльне наехал, хочечы его забити», тот «...горло тратить, а не только сам, але и помочники такового...». А «если бы хто с прыгоды, а не с хути, не з вазни, але з неведомости, стреляючи на звер або на птаху, кого забил; другое: если бы ремесник, будуючы дом або муруючы, а дерево або цеглу, камень необачне упустил и кого тым забил... таковый на горле и везеньем каран не будеть...» (Р.ХІ, арт.1, 23).

При избрании меры наказания учитывались особенности личности виновного (его социальное положение, психическое состояние, возраст и иные факторы). Так, «... ижбы шляхтич в летех шестнадцати, а не больш, обвинен о злодейство або приведен был з лицом, тогды таковому про молодость лет его не маеть быти поличоно за злодейство и не маеть быти до ката в руки и на муку даван ...» (Р.ХІУ, арт.11). Значительное влияние на меру наказания оказывала классово-сословная принадлежность человека. Например, за убийство шляхтича, совершенное «в зваде», смертной казни подлежал один шляхтич либо смертью наказывались трое «простых» людей (Р.ХІ, арт.29, 39). Статуты ВКЛ устанавливали размеры «головщины» (платы за голову убитого) в зависимости от сословного положения потерпевшего. Штраф выплачивался родственникам потерпевшего таким образом: за шляхтича – 100 коп грошей (копа 60 единиц), за бортника 40 коп грошей, за ремесленника 30 коп, за «тяглого человека» 25 коп и т.д. (Статут 1529 г. Р.УІІ, арт.28; Р.ХІ, арт.1-3; Статут 1588 г. Р.ХІ, арт.27; Р.ХІІ, арт.3-5 и др.)

Перечни смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств в Статутах отсутствовали. Такие обстоятельства назывались лишь в некоторых диспозициях. Например, смягчающим ответственность обстоятельством являлось совершение преступления женщиной в состоянии беременности (Статут 1588 г. Р.ХІ, арт.34), а отягчающим – совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения («з опильства») (Р.ХІ, арт.15, 22; Р.ХІІ, арт.1) и др.

Индивидуализация наказания как принцип упоминается и в отдельных работах по уголовному праву XVI века¹¹. Обстоятельства, которые судьи обязаны были учитывать при назначении наказания, Т.И.Довнар и В.А.Шелкопляс разделили на две группы: объективные (важность нарушенного правоинтереса, размер причиненного вреда и т.п.) и субъективные (степень вины, психическое состояние виновного, возраст и пр.)¹².

Необходимо подчеркнуть, что камнем преткновения в применении принципа индивидуализации наказания по Статутовому законодательству служили

институт заступничества (возможность замены одного виновного другим лицом), классово-сословная принадлежность лица и коллективная ответственность. Например, жена и дети несли ответственность за кражу, совершенную главой семьи, в случае, если «поличное» в доме «застато и дети и жона при том были и тех речей краденых ведаючи их быти крадеными уживли» (Статут 1529 г. Р.ХІІІ, арт.12, 27; Статут 1566 г. Р.ХІУ, арт.21; Статут 1588 г. Р.ХІУ, арт.16, 23).

Важным этапом в эволюции принципа индивидуализации наказания было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., уголовно-правовые нормы которого применялись и на территории нашего государства (Статут ВКЛ 1588 г. действовал до 15 июня 1840 г. – А.Ш.)¹³.

Сразу отметим, что в Уложении не было статьи, которая бы развернуто регламентировала принципы назначения наказания и, в частности, принцип индивидуализации наказания. Лишь только в ст.153 подчеркивалось, что судья, избирая одно из наказаний, должен был принимать «в соображение важность вины, состояние подсудимого и обстоятельства, сопровождавшие его преступление». Однако основной акцент в Уложении был сделан на обязательном учете судом обстоятельств, которые были представлены здесь в нескольких видах: «увеличивающие вину и наказание» (ст.135), «уменьшающие вину и наказание» (ст.140), «смягчающие наказание» (ст.157). «Вводя такое различие, – как метко заметил Н.С.Таганцев, – Уложение 1845 г. не давало точного определения этих понятий»¹⁴.

В некоторых случаях, «по чрезвычайности своей заслуживающих особенного уважения обстоятельствах», суды представляют «оние ... на усмотрение Правительствующего сената» (ст.158). Как видим, при назначении наказания возможно было учесть и не предусмотренные в законе обстоятельства.

Анализ уголовно-правовых норм Уложения о назначении наказания обнаруживает, что судьи должны были учитывать ряд объективных (объект посягательства, объем вреда, обстановку, роль в соучастии, стадию осуществления преступления и др.) и субъективных (характер вины, мотивы преступления и пр.) обстоятельств. Существенное значение придавалось личности виновного (напр., его возраст, вменяемость, образ жизни и т.д.).

Обращалось внимание и на сословную принадлежность виновного. Во второй половине XVIII в. Чезаре Беккариа писал: «Иногда оценка преступления зависит скорее от общественного положения потерпевшего, чем от его значения для общественного блага»¹⁵. Этот подход пронизал красной нитью, практически весь текст Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уголовно-правовая доктрина второй половины XIX в. принцип индивидуализации наказания трактовала неоднозначно. Так, об этом принципе авторы писали: «Мерилом окончательной оценки судьи служит ... целостное впечатление, произведенное на него преступным деянием ...» (А.Ф.Бернер); «...оно (наказание – А.Ш.), должно касаться только самого виновника ...» и «...соответствовать величине причиненного зла и степени внутренней вины ...» (С.Будзинский); «выбор наказания ... определяется обстоятельствами уменьшающими или увеличивающими, ... которые относятся к фактической, внешней стороне преступления, к его индивидуальности, а не теми ..., которые относятся к внутреннему состоянию самого лица преступника» (А.Лохвицкий); «...Суд должен определять меру наказания, сообразуясь с тремя масштабами: субъективным, объективным и модальным... В силу масштаба модального, суд обязан принимать в расчет все, так называемые обстоятельства увеличивающие и уменьшающие вину» (Н.А.Неклюдов); «...оно, по возможности, должно поражать только лицо самого преступника» (А.Ф.Кистяковский); «...судья должен выяснить, ... какое деяние находится перед ним .., каков совершитель этого деяния ...» (С.В.Познышев)¹⁶.

Не углубляясь в разбор этих точек зрения, отметим лишь, что такое разнообразие мнений в науке уголовного права второй половины XIX в. по исследуемому нами вопросу свидетельствует о неопределенности и неразрешенности этой проблемы в Уложении 1845 г. В этой связи уместно отметить, что в основу Уложения, по свидетельству Н.С. Таганцева, была положена немецкая система А.Фейербаха, состоявшая не только в подробном исчислении обстоятельств, при наличии которых суд мог изменять определенную в законе ответственность, но и был точно установлен размер влияния каждого из этих обстоятельств¹⁷. К сказанному добавим, что в рамках классической школы уголовного права (Г.Гегель, И.Кант, А.Фейербах и др.) принцип индивидуализации наказания по существу отвергался¹⁸.

В Уголовном уложении 1903 г. отсутствуют указания на содержание принципа индивидуализации наказания, равно как и на общие начала назначения наказания в целом¹⁹. Отсутствуют перечни смягчающих и отягчающих ответственность виновного обстоятельств, а упоминаются лишь такие понятия как «уменьшающие вину обстоятельства, заслуживающие снисхождения» (ст. 53), «обстоятельства, усиливающие ответственность» (отделение 7) и др.

Анализ первой главы Уголовного уложения показывает, что при назначении наказания учитывались такие обстоятельства, как вменяемость (ст.39), возраст (ст.ст. 40, 41), форма и вид вины (ст.48), стадия совершения преступления

(ст.ст.49, 50), роль в соучастии (ст.51), кратность преступных деяний (ст. 60), некоторые специальные признаки (напр., служащий (ст.65)).

Уложение закрепляло положение о том, что осуждение сопровождалось лишением сословных прав и преимуществ, титулов, званий, чинов, отрешением от государственных, церковных, сословных и прочих должностей (ст.ст.25-30) до погашения или снятия судимости (ст.31). Этим Уголовное уложение косвенно подтверждало, что обстоятельства, относящиеся к характеристике личности виновного, не имели первостепенного значения при назначении наказания.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что на территории Западной Беларуси Уголовное уложение 1903 г. действовало в полном объеме с 1915 г. до 1932 г.

Изучение первых декретов и постановлений советской власти (напр., Декрет СНК РСФСР «О суде» № 1 от 24.11.1917 г. и др.) показывает, что отечественному законодательству этого периода был известен принцип индивидуализации наказания. Из множества несистематизированных уголовно-правовых актов следовало, что суды должны были устанавливать соответствие наказания тяжести содеянного, учитывать личность преступника, степень его виновности, смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Значительное место уделялось вопросу индивидуализации наказания в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., нормы которых применялись в судебной практике БССР²⁰. Статья 11 рекомендовала суду учитывать при назначении наказания «степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния...», «...личность преступника», мотивы преступления, а также «...насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности». А статья 12 содержала перечень обстоятельств (в основном, отягчающих), которые должны были устанавливаться и учитываться в каждом конкретном случае.

Первый кодифицированный Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., действие которого постановлением от 24.06.1922 г. ЦИК БССР было распространено на всю территорию нашего государства, который с 1924 г. официально именовался Уголовным кодексом БССР, в ст.24 и ст.25 воспроизводил почти без всяких изменений положения ст.ст.11-12 Руководящих начал²¹. Аналогичным образом формулировался принцип индивидуализации наказания в ст.30 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г.²² Здесь уже содержалось два перечня обстоятельств: ст.31 называла те обстоятельства, за которые назначалась более строгая мера социальной защиты», а ст. 32 – обстоятельства, которые влекли «более мягкую меру социальной защиты».

УК БССР 1928 г. в ст.48 с точностью воспроизводит положения ст.30 Основных начал²³. Нормы ст.ст.49, 50 УК БССР, регламентировавших обстоятельства, при которых применялись «более строгие меры социальной защиты» и «менее строгие меры социальной защиты», содержали некоторые дополнения и уточнения по сравнению с общесоюзным законодательством.

Рассматриваемые нами положения УК БССР 1928 г., с некоторыми редакционными уточнениями, вошли в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК Беларуси 1960 г.²⁴ Статья 36 УК Беларуси в первой редакции закрепляла: «При назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие ответственность». Закон Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. из ст. 36 исключил слова: «руководствуясь социалистическим правосознанием».

В советской теории уголовного права исследуемую нами проблему рассматривали в своих работах М.М.Бабаев, М.И.Бажанов, Г.В.Бартновская, Г.Н.Борзенков, З.А.Вышинская, К.А.Камхадзе, И.И.Карпец, Ю.А.Красиков, Г.А.Кригер, Л.Л.Кругликов, Н.С.Лейкина, Ю.Манаев, Ю.Б.Мельникова, М.Х.Муздубаев, Г.П.Новоселов, В.И.Ткаченко, Г.И.Чечель, А.П.Чугаев, С.С.Шакунов, М.Д.Шаргородский и многие другие авторы. Однако в трактовке принципа индивидуализации имеются разногласия в понимании его содержания и юридической сущности, отсутствует фундаментально разработанная теоретическая база по этой проблеме, которая могла бы выработать единый и однозначный подход в решении этого вопроса. К сожалению, в рамках нового уголовного законодательства государств – участников СНГ принцип индивидуализации наказания трактуется по-разному. Отрадно отметить, что Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г.²⁵, в отличие от других уголовных законов государств – участников СНГ, впервые в ст. 62 зафиксировал индивидуализацию наказания как принцип и внес ряд дополнений: суды должны будут в каждом конкретном случае учитывать мотивы и цели содеянного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, мнение потерпевшего по делам частного обвинения.

Подводя итог исследованию вопроса, еще раз подчеркнем главную мысль, в которой мы убеждены: принцип индивидуализации наказания требует глубокого и тщательного исследования, а также выработки единой законодательной формулы, удовлетворяющей потребностям и теории уголовного права, и судебной практики.

-
- ¹ Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925. С.36-37.
- ² Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дапам. Мінск, 1992. С. 68-69.
- ³ Ланге Х. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб, 1860. С. 268-269.
- ⁴ Вішнеўскі А.Ф., Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: Вучэбны дапаможнік. Мінск, 1998. С. 43-46.
- ⁵ Там же. С.46-53.
- ⁶ Там же. С.109-115.
- ⁷ Вішнеўскі А.Ф., Саракавік І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Некаторыя пытанні і адказы. Мінск, 1997. С. 28.
- ⁸ См.: Крымінальнае права Беларусі: (закон, злачынства, адказнасць): Навуч. дапам. / Пад рэд. А.У.Баркова. Мінск, 1997. С. 240.
- ⁹ Вішнеўскі А.Ф., Юхо Я.А. Указ. сач. С. 69-71, 76-80.
- ¹⁰ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / Под ред. К.И. Яблонского. Минск, 1960. 254 с.; Статут Великого княжества Литовского 1566 г. М., 1855; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. 573 с.
- ¹¹ См.: Довнар Т.И., Шелкопляс В.А. Уголовное право феодальной Беларуси (XV-XVI вв.): Учеб. пособие. Минск, 1995. С. 69-74; Доўнар Т. Караць нельга памілаваць // Судовы веснік. 1993. № 1. С. 62-64.
- ¹² Довнар Т.И., Шелкопляс В.А. Указ. соч. С.74.
- ¹³ Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. М., 1988. Т.6. С.195-209.
- ¹⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. М., 1994. Т.2. С. 292.
- ¹⁵ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 89.
- ¹⁶ См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб, 1865. Т.1. С. 830; Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С.249, 274; Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб, 1871. С. 142; Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. Конспект. СПб, 1875. С. 137; Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права. Киев, 1882. С. 770; Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 637.
- ¹⁷ Таганцев Н.С. Указ.соч. С.293, 294.
- ¹⁸ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С.535-542; Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В.Наумова. М., 1997. С. 433-438.
- ¹⁹ Уголовное уложение // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 16 апреля 1903 г. № 88. Ст.416.
- ²⁰ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 57-60.
- ²¹ Уголовный кодекс РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 116-143.

-
- ²² Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 199-207.
- ²³ Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики // СЗ БССР. 1928. № 30. Ст. 287.
- ²⁴ См.: Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991 гг.) Часть 1. Казань, 1992. С.37-52; Уголовный кодекс Республики Беларусь. Текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 января 1998 г. Минск, 1998.
- ²⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск, 1999. 214 с.